

Симонова Ольга Александровна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
osimonova@hse.ru

**К вопросу об эмоциональной культуре: эмоциональные императивы
современного общества в эпоху пандемии³⁵⁵**

Аннотация. Автор рассматривает возможные изменения эмоциональной культуры позднесовременного общества вследствие пандемии нового вируса, базируясь на теоретических возможностях социологии эмоций, поскольку эмоции или чувства по своей природе и функции связаны с преодолением неопределенности будущего. В статье анализируются основные эмоциональные императивы с целью создать особую оптику рассмотрения общества и культуры. Будущие социальные изменения, возможно, станут более понятны, если наблюдать за тем, как будут меняться данные императивы. В ситуации кризиса, связанного с пандемией, будут затронуты все чувства, будут изменяться представления о них, эмоциональные нормы, стратегии «работы» с эмоциями. Автор размышляет о роли сочувствия и сострадания, актуальных для сегодняшнего глобального мира.

Ключевые слова: социология эмоций; эмоциональная культура позднего модерна; эмоциональные императивы; сочувствие; забота

Simonova Olga Aleksandrovna
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russian Federation
osimonova@hse.ru

**On the question of emotional culture: emotional imperatives of
modern society in pandemic era³⁵⁶**

Abstract. The article is devoted to some aspects of the emotional culture of the late modern society, which will evidently undergo changes due to the new virus pandemic. The author draws on the opportunities that belong to the sociology of emotions, because emotions by their nature and function are related to overcoming of uncertainty of the future. The purpose of this essay is to review the main imperatives of the emotional culture in order to create a special optic for the consideration of society and culture. The future changes will probably become clearer, if we observe how the imperatives of the modern emotional culture will be changed. In the situation of crisis connected to the pandemic all the feelings will be involved, emotional norms and strategies of emotion management will be modified. The author reflects on the role of empathy and compassion that is relevant to today's global world.

³⁵⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Исследовательский проект 20-011-00870 «Социальная инклюзия в системе оснований интеграции российского общества: сравнительный анализ ценностей и практик в институциональных и неформальных контекстах»).

³⁵⁶ This work was supported by the RFBR grant 20-011-00870 «Social Inclusion in the System of Bases of Integration of Russian Society: Comparative Analysis of Values and Practices in Institutional and Informal Contexts».

Keywords: the sociology of emotions; emotional culture; emotional imperatives; sympathy; care

Социология эмоций и изучение современных обществ

Ситуация пандемии в глобализированном мире ведет к масштабным социальным изменениям, поэтому сегодня особенно трудно писать о будущем. Будущее и его образы в позднесовременных обществах с точки зрения общественного сознания и социологии уже были в определенной степени проблемой [Urry, 2016; Gudkov, 2017]. Во многом именно с этим связано наступление века «новой чувствительности» или новой эмоциональной культуры с повышенным вниманием к эмоциональной сфере [Simonova, 2019]. Поскольку полностью рационально и научно предвидеть будущее довольно трудно, то, полагаясь на переживания, интуиции и чувства, о нем по крайней мере можно тревожиться, отнестись к нему на основе эмоциональной рефлексивности [Holmes, 2015], что дает хотя бы какую-то возможность наметить, прорисовать будущее сложного современного мира [Gonzalez, 2017].

Противопоставление «иррациональных страстей» и «бесстрастной рациональности», как пишут многие специалисты, сегодня уже не актуально [Patulny et al., 2019]. Эмоции и чувства также включены в оценку происходящего и служат ориентирами действия. Социологи констатируют растущее осознание сложной эмоциональности в современном мире, а также растущее напряжение между коллективными и индивидуализированными эмоциями, увеличивающуюся посредническую, коммуникативную и экспрессивную роль эмоций [Patulny et al., 2019]. И в публичной и частной сферах жизни общества эмоции как будто настоятельно «требуют» постоянного рефлексивного мониторинга, управления как на индивидуальном, так и на глобальном уровне [Barbalet, 2019]. Это становится важным для политики, решения проблем социального неравенства, миграций, построения и поддержки существующих и новых форм социальной солидарности.

Социология эмоций представляет собой рациональную попытку осмыслить основные человеческие эмоции и чувства, которые определенным образом «сообщают» и «сигнализируют» людям о настоящем и будущем. Одной из целей социологии эмоций в изучении эмоциональной культуры является – связать проживаемый опыт людей в различных контекстах на микроуровне с более широкими социальными и культурными структурами на макроуровне. Именно в чувствах и отношении общества к чувствам иногда можно схватить противоречивый характер современного общества и его культуры, проблематичность будущего.

Эмоциональные императивы и противоречия современного общества

Современное общество, которое часто называют позднесовременным, характеризуется особой эмоциональной культурой [Simonova, 2019]. Эмоциональной культурой мы называем характерную для определенного типа общества конфигурацию представлений о чувствах и социальных норм относительно их переживания и

выражения в различных социальных контекстах или ситуациях, проявляющиеся в образцах поведения, опыте, практиках, речевых выражениях [Simonova, 2019]. Наиболее интересными, с нашей точки зрения, являются нормы, которые мы решили метафорически назвать «эмоциональными императивами», чтобы создать особую оптику для описания и исследования современного общества. Мы выбрали эту метафору, чтобы акцентировать основные характерные черты современной эмоциональной культуры и создать теоретическую основу для анализа последующих изменений.

К эмоциональным императивам относятся особые нормы-требования, безусловные и моральные предписания о том, что и как нужно чувствовать в определенном социально-культурном контексте (или ситуации). Эмоциональные императивы способствуют культивированию или избеганию определенных чувств. Эмоциональные императивы принудительны, представляют собой приказы, которые люди обращают к самим себе и другим, однако, не всегда рассматриваются как бремя, представляются результатом свободного выбора. Такие императивы воспринимаются людьми как интимные, как «порывы» души, как сокровенные желания и цели. Они *принудительны* не только потому, что являются требованиями к поведению, но и потому, что люди считают их сверхважными. Люди считают их чем-то *естественным, необходимым*, и беспокоятся, если их нет в случае, например, позитивных чувств (счастье, любовь, сочувствие и др.), или от того, что они есть, в основном в случае негативных чувств (вины, стыда и пр.). Данные императивы произрастают на почве общих социальных процессов, свойственных позднесовременным обществам: прежде всего, в условиях глобализации, культуры потребления, коммерциализации практически всех сторон жизни, неолиберальной системы управления, глубокой индивидуализации социальной жизни [Beck, Beck-Gernsheim, 2001; Barbalet, 2019]. Надо заметить, что многие специалисты используют термин «эмоциональный капитализм», имея в виду, что эмоциональные переживания коммодифицируются, т.е. могут производить экономические эффекты, современный человек ценит их и стремится к ним, готов платить за них [Karppi et al., 2016; Ilouz, 2007].

Мы выделим некоторые эмоциональные императивы, которые наиболее ярко описывают эмоциональную культуру позднесовременных обществ. Одним из важнейших является *императив рационального управления эмоциями*, согласно которому люди стремятся к рациональному управлению чувствами (например, чтобы добиться успеха и самореализации). Данный императив связан с коммодификацией управления эмоциями и соответственно представлениями о необходимости проработки прежде всего «негативных» чувств, развитием эмоционального интеллекта, компетентности и внутреннего эмоционального самоконтроля. Распространение представления о необходимости рационально управлять эмоциями связано с характерными чертами поздней современности, где быстрый темп изменений, фрагментированность и неопределенность мира, глобальность событий и

соответствующее осознание рисков, усиление страхов и тревожности, озабоченности будущим приводит к стремлению справиться с этой ситуацией посредством рационального контроля над чувствами [Gonsalez, 2017; Bauman, 2017]. Эмоциональный труд и культура потребления эмоций, сложившаяся в позднесовременных обществах, оказывает воздействие на трудовую этику и практики, поскольку сочетает в себе коммодификацию эмоций, рациональное управление ими с целью получения выгоды, прибыли и удовольствия. В текущей ситуации запрос на эмоциональную работу с чувствами будет также востребован, например, как справляться с тревогами, страхом, а подчас и горем, как выражать их? Каждый день в социальных медиа появляются ссылки на ресурсы, где каждый может индивидуально учиться управлять своими эмоциями [Emotional Well-Being and Coping During COVID- 19].

С данным императивом связан императив *«подлинных чувств»*, отражающий представление о том, что *необходимо* с уважением относиться к собственным чувствам. В процессе коммерциализированного управления чувствами рождается представление о ценности собственных чувств, которые нужно сохранять, оберегать, а в некоторых случаях им следовать. Здесь проявляется одно из основных противоречий эмоциональной культуры – высокий контроль над эмоциями и одновременно необходимость их проживать; эффективно управлять эмоциями и одновременно «быть самим собой», выражать свои подлинные чувства, аутентичное Я. [Reckwitz, Pakis, 2020]. Индивиды сконцентрированы на так называемых *эго-эмоциях*, то есть эмоциях, направленных на себя, на собственное благополучие, удовлетворение, самовыражение и самооценку [Barbalet, 2019: 6–9]. Рациональный индивидуальный контроль над эмоциями включен в поддержание больших коллективов людей (корпораций), в которых каждый индивидуализирован и замкнут в собственном мире переживаний. Противоречивость здесь проявляется в выражении эмоциональной нейтральности (зачастую и «холодности») *и одновременно* сильной тревожности, поиска аутентичных чувств и желание их переживать. Эго-эмоции, связанные с заботой о себе, собственном покое, удовольствиях сосуществуют вместе со страданием от ослабления социальных связей, одиночества, постоянных поисков любви и счастья [Shouz, 2012].

Важнейшим эмоциональным императивом является максима *«быть счастливым»* («делать то, что делает меня счастливым») – *императив стремления к счастью*. Этот императив касается настоящего запроса на индивидуальное счастье и ориентирован на потребление материальных и символических объектов, «гарантирующих» это счастье [Ahmed, 2010; McKenzie, 2016]. С этим императивом связывается *императив «романтической любви»*, которую «обязательно должен человек встретить хотя бы раз в жизни», основанный на уверенности, что эти чувства должны быть в жизни человека и ведут к счастью [Shouz, 2012]. *Императив избегания «негативных чувств»* (например, стыда, горя) ориентирован на уход от всего, что вызывает негативные переживания, нацелен на завершение периодов болезненных

чувств, сокращение и избегание их переживания [Berns, 2011]. Погоня за позитивными эмоциями сочетается с их рационализацией и коммерциализацией, происходит особый разрыв между демонстрируемыми в основном позитивными и реально переживаемыми негативными эмоциями [Reckwitz, Pakis, 2020]. Парадоксальное сочетание рационализации и эмоционализированности сопровождается психологической перегрузкой, которая выражается в навязчивом поиске инструментов совладания с негативными переживаниями. Отсюда широко распространенное обращение к психологии, тренингам, развитию эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности [Simonova, 2019].

Императив «индивидуальной вины», когда индивид должен чувствовать индивидуальную вину за все, что происходит «не так» в его жизни. Это пример так называемой «эго-эмоции», которые являются частью социального контроля в больших современных коллективах [Barbalet, 2019]. «Особый эмоциональный режим капитализма» строится на представлениях о том, что прежде всего сам индивид ответственен за свои неудачи, свои проблемы можно решить индивидуально и сам он может их решить, а если нет, то это его вина. Эго-эмоции отражают процесс индивидуализации в его крайнем выражении, когда социальные проблемы воспринимаются в основном психологически: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы [Beck, Beck-Gernsheim, 2001].

Императив симпатии/сочувствия и/или индивидуальной лояльности связан с предыдущими: для того, чтобы добиться успеха и счастья необходимо выражать определенное количество симпатии, сочувствия и лояльности разного рода отношениях и прежде всего в отношениях субординации [Clark 1997; Barbalet, 1999]. Это означает, что отношения подчиняются своеобразной социоэмоциональной экономике – обменным отношениям в области проявления симпатии как привязанности и симпатии как сочувствия, которыми люди стремятся рационально управлять.

Императив ностальгии или тоски по прошлому, будущему и настоящему, которое постоянно «меняется», «ускользает», возникает вследствие быстроты социальных изменений, общей неопределенностью и рисками. Этот императив проявляется в поиске воспоминаний и представлений, которые обеспечивают определенность, стабильность, защищенность, уверенность [Bauman, 2017; Jacobsen, 2019]. Примечательно, что Бауман пишет о «глобальной эпидемии ностальгии» [Bauman, 2017: 18], которая, вероятно, будет иметь значение и в поствирусную эпоху. Рационализация как социальный процесс обусловила и *ностальгию по живым эмоциям и чувствам* [Gonzalez, 2017]. Вероятно, что это чувство будет усиливаться в ситуации пандемии, поскольку люди чувствуют, что назад уже не вернуться, а будущее крайне неопределенно, поэтому здесь будет актуален тот поворот к утопии, о котором писал Бауман [Bauman, 2017], а также различные виды ухода в фантазийные миры для преодоления тревоги о будущем. Это в свою очередь дает еще больший толчок

развитию цифровых технологий.

Безусловно, данный список не является исчерпывающим. В целом, можно сказать, что *в современной эмоциональной культуре акцентируются позитивные чувства, их подлинность и спонтанность, и одновременно рациональные средства их достижения*. Излишне говорить, что стремление возбуждать в себе и выражать данные чувства может обернуться неудачей, ведь невозможно постоянно их испытывать. Здесь возможны различные социальные последствия, самыми очевидными из которых становятся разрывы персональных социальных связей, избегание различных видов социальных отношений, одиночество, чувство отчуждения, подавленности и депрессии, порождение тревоги и страха, подавление действительно важных (в том числе и негативных) для социальной жизни чувств, образование разных видов коллективных солидарностей, к примеру, иррациональных сообществ как убежищ от неудачи, несчастья, отсутствия любви и др.

Еще до пандемии в позднесовременных обществах наблюдались эти тенденции в той или иной степени. При этом сами диагнозы были различны: одни социологи писали о «постэмоциональном» обществе, где эмоции становятся предметом манипуляции, фабрикации со стороны экономических и политических структур, а не возникают спонтанно, «счастливые эмоции» для масс [Mestrovic, 1997]; другие авторы видели возникновение нового «морального агента» на основе эмоций, рассматривали эмоции как драйверы морального выбора и строительные блоки персональной идентичности [Bauman, 1993: 67], третьи – фиксировали возникновение аффективных привязанностей к новым социальным объединениям («identity tribes») [Maffesoli, 1997], коллективам, которые требуют индивидуального подчинения, привязанности и напрямую связаны с эмоциями каждого [Barbalet, 2019: 5, 11]. В институциональном контексте неолиберализма мы имеем парадоксальное смешение индивидуализации и социальной солидарности. Эмоции отражают отношения с рынком, корпорациями и политическими фигурами, поддерживая власть последних.

Ведущей темой в этой связи становится моральный индивидуализм и его социальные последствия в условиях вирусной и поствирусной эпохи: если эмоциональная культура способствовала ослаблению личных человеческих связей, индивидуализации и новым формам солидарности атомизированных индивидов, то каким образом эти тенденции будут преломляться в условиях глобальной эпидемии? Важно также понять, каким образом рациональная инструментальность по отношению к эмоциям будет «накладываться», способствовать или противодействовать текущим условиям. Учитывая все вышесказанное можно утверждать, что одним из самых важных и интересных будет исследование чувств, которые связаны с человеческими страданиями, тема, которая так или иначе уже понималась в социологии [Wilkinson, 2005; Wilkinson, Kleinman, 2016]. Социологическая рефлексия типов страданий и их социальных последствий может стать одной из центральных тем в социологии. Отсюда в фокус внимания попадают такие чувства эмпатии, сочувствия и сострадания как

«микросоциальные» силы социальной солидарности, которые будут играть важную роль в условиях «эмоциональной холодности» и нацеленности на рациональное управление эмоциями [Bauman, Donskis, 2013; Illouz. 2007].

Сочувствие, сострадание и забота в контексте глобальной эпидемии

Преодоление страданий, исцеление от них связано с сочувствием и состраданием, которые в целом укрепляют социальные связи, ослабляют отчужденность, мотивируют разные виды заботы о других людях, поддерживая общую солидарность и моральный порядок, ослабляя дискриминацию, неравенство и разные виды социальной эксклюзии. Как особенности эмоциональной культуры позднесовременных обществ могут повлиять на проявления и выражения сочувствия и сострадания?

Джонатан Тернер и Джен Стетс классифицируют такие моральные эмоции как сочувствие (симпатия) и эмпатия как связанные со страданиями других, возникающие в ответ на бедственное положение другого и мотивирующими силами оказания помощи [Turner, Stets, 2007: 550–555]. Они облегчают межличностные отношения, обуславливая альтруизм и подавляя агрессию [Clark, 1997; Eisenberg, Miller, 1987]. Если обратиться к определению сочувствия, то в самой известной социологической работе о культуре сочувствия Кендейс Кларк определяет его как чувство сожаления, печали и беспокойства по отношению к людям, находящимся в беде, трудном положении [Clark, 1997: 44]. Сочувствие включает эмпатию, осознанное переживание сожаления [sympathy sentiment] и его выражение [display] [Schmitt, Clark, 2007: 467]. Эмпатия сама по себе не ведет с необходимостью к возникновению сочувствия, обычно мотивирующего к помогающему поведению и заботе о другом человеке [Davis, 1994].

Социологически здесь интересно то, что между эмпатией и чувством сожаления и соответственно его выражением люди могут делать суждения, которые связаны с культурными представлениями, целями, моральными нормами, а также приписывать кому-либо или чему-либо причины своих переживаний, делать суждения, связанные с ситуацией, статусом, калькулировать выгоды и издержки своих возможных действий. Это означает, что сочувствие и сострадание не спонтанны, они направляются эмоциональной культурой, которая в свою очередь зависит от общих социально-культурных условий. Согласно Кларк, переживание и выражение сочувствия регулируется культурными правилами и логикой социального обмена, определяющими правила получения и выражения сочувствия, а также сочувствие может использоваться для достижения собственных целей, статуса или власти над другими [Clark, 1997: 113]. Люди оценивают и в определенном смысле должны оценивать, кому, когда, как и насколько выражать сочувствие, каковы время и контекст, например, незнакомому человеку в день поминовения его умершего родственника [Schmitt, Clark, 2007: 473]. Иными словами, выражение сочувствия подчиняется культурной цели контроля над эмоциями (императиву управления

эмоциями), а также (капиталистической) логике социального обмена, и в этих условиях сочувствие может быть высоко дефицитным ресурсом.

Важным вопросом остается следующий: способствует ли сочувствие и его разные формы выражения социальной солидарности? Учитывая ситуацию пандемии, социально-эмоциональная экономика и политика сочувствия, возможно, станет проявляться особым способом. Например, возрастет роль цифрового капитализма и соответственно сочувствие и сострадание будут выражаться через интернет-посредников. При этом возможна еще большая конкуренция за площадки, на которых определяется, кому и как сочувствовать в большей степени. Понятно, что действия «говорят» больше чувств, однако «работа» сочувствия, даже с помощью интернет-посредников, часто оказывается функциональной для участников взаимодействия [Brownlie, Shaw, 2019].

Сострадание является более интенсивным чувством, чем просто сочувствие и эмпатия, которое еще с большей вероятностью мотивирует на помогающее поведение. «Это глубоко моральная эмоция» [Wilkinson, 2019: 73], нацеленная на преодоление страданий других людей и связанная с представлением об общем благе. Либерализация в капиталистических обществах сопровождалась ростом сострадания к уязвимым людям и группам, сегодня распространена культурная установка, что люди должны сострадать, что это неотъемлемое качество людей [Wilkinson, 2019: 81–83]. В некоторых институциональных порядках это чувство активно культивируется, например, в профессиональной среде здравоохранения сострадание рассматривается как часть эмоциональной работы, которая способствует лечению и восстановлению больных [Neff, Vonk, 2009].

При этом, если учитывать эмоциональные императивы и отмеченные выше культурные противоречия, то можно сказать, что в позднесовременных обществах совершенно понятным становится наблюдение о так называемой «усталости от сострадания» (compassion fatigue) на микро и макроуровне общества [Figley 2002], то есть сложились социально-культурные условия, которые разрушают человеческую доброту и предрасположенность к заботе [Wilkinson, 2019: 75]. Усталость от сострадания, выгорание сочетается с тревожностью и беспокойством, часто позиция «отстраненного наблюдателя» (detached observer) [Boltansky, 1999] усиливает моральную нечувствительность и соответственно ведет к отсутствию конкретных действий в ответ на страдания других людей. Человеческие страдания становятся частью информационно-развлекательной среды, нарушая моральную чувствительность [Kleiman, Kleiman, 1996]. С одной стороны, наблюдается «охлаждение чувств», усталость от сострадания, а с другой – открывается возможность сострадать всем людям на планете, находящимся в любой точке пространства, а также тем, кто еще не родился. Сочувствие и сострадание находятся под влиянием противоречий эмоциональной культуры поздней современности и проявляются неравномерно, могут усиливаться и угасать под воздействием новых форм

коммуникации и более того, подвержены манипуляции со стороны различных групп интересов.

В текущей ситуации как раз очень важно, чтобы забота осуществлялась на всех уровнях общества, а сочувствие и сострадание, можно сказать, являются «топливом» для реализации эффективной заботы во всех сферах жизни общества. Однако, еще до пандемии специалисты отмечали «кризис заботы» как общую характеристику современной ситуации в сфере практик и отношений заботы [Бороздина, 2019: 9–12], который проявлялся в кризисе традиционных женских ролей, дефиците заботы в приватной и публичной сфере и др. Этот кризис был отчасти следствием всемерной коммодификации заботы, в том числе её эмоциональной составляющей, и введения неолиберальных принципов управления. Какие же чувства мотивируют заботу сегодня и как они будут модифицироваться в настоящем и ближайшем будущем? Это тот вопрос, который важен для противостояния глобальным процессам, запущенным пандемией нового вируса. Здесь сострадание является этической категорией и морально необходимой эмоцией [Pulcini, 2017].

Анализируя различные источники, Елена Пульчини классифицирует заботу на 1) частную или приватную, которая основана на любви, привязанности или родственных отношениях; 2) профессиональную заботу в частной и публичной сфере общества, которая осуществляется разного рода специалистами о людях, которые не являются родственниками или близкими людьми; а также новый вид заботы, который можно назвать глобальным (3) забота о неизвестных людях, которые могут находиться в любой точке мира [Pulcini, 2017: 66]. Последний вид заботы особенно интересен, поскольку в определенной степени отражает глобальную взаимную зависимость и общечеловеческую идентичность. Глобальное измерение заботы означает выражение сострадания через пространство и во времени – удаленным другим и будущим поколениям. Пульчини отмечает ту самую противоречивость, заложенную в современной эмоциональной культуре: сострадание все больше выражается через посредническую роль медиа, где происходит манипуляция эмоциями, где мы становимся зрителями аффективного спектакля и риторики, а не реальных чувств, ведущих к помогающему поведению и заботе [Pulcini, 2017: 69]. Исследовательница полагает, следуя за Люком Болтански, что важна «политика сожаления» (politics of pity), которая может противостоять моральному индивидуализму и атомизации современных обществ, усталости от сострадания и активизировать и поддерживать сострадание к удаленному другому в пространстве (distant other) и «эмпатический страх» за будущие поколения, удаленные от нас во времени.

В силу обсуждаемой нами противоречивости эмоциональной культуры неизвестно, приведут ли переживания, активизировавшиеся довирусную и вирусную эпоху к новым видам солидарности в будущем, разрешению или усугублению кризиса заботы. Кроме того, в данном контексте также *важен еще один вид заботы, который характерен для позднесовременного общества – это забота о себе*, которая

парадоксальным образом отражает ситуацию с пандемией, в условиях которой эта забота эффективна наряду с самоизоляцией, а также индивидуализм и моральную раздвоенность современного человека, которому нужно принимать много решений в разных ситуациях и выбирать, о ком заботиться в первую очередь – о себе или о других.

Таким образом, важно понять, как будет изменяться социально-эмоциональная экономика и политика сочувствия и сострадания в условиях глобальной эпидемии и соответственно уже цифровой эмоциональной культуры и капитализма. Видимо, нам нужно будет научиться эффективно сострадать онлайн, тем более что императив рационального управления эмоциями продолжает свое действие и все время появляются новые Интернет-ресурсы, на которых вы можете научиться способам выражения сострадания [Compassion in Action: 15 Easy Ways].

Заключение

Останутся ли прежними императивы позднесовременной эмоциональной культуры? Эмоциональные императивы имеют социальные последствия в виде распространения различных видов поведения, характеризуют состояние социальных связей и др. Поэтому во время и после пандемии, возможно, люди будут также следовать, например, императиву рационального управления эмоциями – к примеру, будут искать новые способы справляться с тревогой, страхами, стрессом, обращаясь к специалистам и соответствующей литературе. Это показывает «действие» эмоциональной культуры, поскольку, например, с тревогой «справляться» не всегда функционально, так как она сигнализирует о неопределенности, рисках и мобилизует. Это связано и с императивами счастья, избегания «негативных» эмоций. Интересно с этой точки зрения, как постоянное общение с близкими людьми во время самоизоляции повлияет на виды эмоциональной работы в приватной сфере.

Может быть, чрезмерное акцентирование счастья, удовольствия и позитивных эмоций станет не просто не актуальным, а просто маловероятным в контексте общей беды. С другой стороны, моральный индивидуализм не может исчезнуть в одночасье: поэтому обострятся моральные трудности с проявлением сочувствия и сострадания, осуществления разных видов заботы, включая заботу о себе. Возможно, сейчас перед многими обществами встает моральная дилемма – отказаться от экономики высокого потребления, комфорта, удовольствий и заботиться о других, не только тех, кто существует сейчас и находится в любой точке мира, но и о будущих поколениях, или следовать собственным индивидуальным желаниям, поддерживать крайнюю автономию и дистанцированность, преследование собственных интересов без заботы о других, поощряя в себе бесчувственность и усталость от чувств к другим людям.

Некоторые прогнозы о будущем после пандемии звучат оптимистично: возможно возникновение новых форм солидарности, усиление моральных правил взаимопомощи и др. Действительно, пандемия способствует пересмотру моральных правил, однако при этом увеличивает их неопределенность. О ком заботиться, как, к кому проявлять сочувствие, сострадание? Например, забота о себе – безусловно

важное моральное предписание, поскольку, заботясь о себе в текущей ситуации мы тем самым заботимся о других. С другой стороны, если мы НЕ будем по крайней мере сочувствовать, сострадать и как максимум заботиться о любом человеке, то нас ждут большие проблемы и страдания, так как пандемия показала, насколько мы зависим друг от друга в глобальном масштабе. Эта моральная раздвоенность, возможно, ведет к формированию новых моральных представлений о том, как сострадать, сочувствовать и что делать в таком сложном современном мире.

В связи можно выделить следующий список вопросов в контексте темы данной статьи, заслуживающих внимания и важных для изучения со стороны специалистов из разных дисциплин, вовлеченных в исследование эмоций. Во-первых, совершенно неясно, каким станет эмоциональный капитализм, какими будут виды коммерциализированного управления эмоциями и как технологически будет меняться потребление эмоций. Как будет модифицироваться манипуляция эмоциями потребителей? Появятся ли новые формы коммерциализации эмоциональной работы, к примеру, с тревогой и страхами? Во-вторых, важно изучение изменения и трансформации норм, регулирующих управление эмоциями, поскольку этот вид взаимодействия отражает состояние социальных связей и имеет функциональные последствия для социального порядка в целом. Останется ли рационализированность и холодность в отношении чувств важным инструментом в достижении культурных целей? Отсюда, как изменится эмоциональная работа в близких отношениях и других сферах, а также в цифровых сообществах?

Далее, актуальным становится довольно трудная тема для социологии – тема человеческих страданий, их коллективное осознание является важным ресурсом совладания с текущими трудностями и построения перспективы будущего. Что касается отдельных, конкретных эмоциональных переживаний, как мы уже писали, будут затронуты так или иначе все виды чувств, но наиболее актуальным и интересным вопросом останется вопрос о роли сочувствия и сострадания. Каким образом будет разрешаться противоречие между естественностью и необходимостью этих чувств и рациональным управлением ими, выгоранием, охлаждением этих чувств, характерных для сложных массовых обществ? Станет ли сострадание императивом?

Необходимо продолжать изучать такое сложное чувство как ностальгия (императив ностальгии), поскольку это чувство может быть функциональным в отношении поиска средств совладания с вызовами текущей ситуации, указывать на те, которые были эффективны в прошлом. Горе также выходит на первый план, поскольку связано со страданиями и тем, как общество регулирует переживание и выражение чувств, связанных с горем и трауром. Кроме того, глобальный социальный кризис связан не только с чувствами сострадания, но и с возникновением праведного негодования по поводу разного рода несправедливости, что может вести к политическим действиям в ситуации чрезвычайного карантина, изоляции. Безусловно, можно поставить и другие вопросы. Каким будет будущее? Какие эмоциональные

нормы установятся прежде всего? Судьба солидарности, новых форм неравенства, конфликтов и массового поведения через призму исследования чувств как формы осмысления будущего хотя бы отчасти позволяет справиться с неопределенностями и сложностью современного мира.

Библиографический список

Бороздина Е. и др. (ред.) Критическая социология заботы: Перекрестки социального неравенства. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 336 с.

Гудков Л. У нынешнего общества нет представления о будущем [Электронный ресурс] // Новые известия [веб-сайт]. 2017. URL: <https://newizv.ru/article/general/20-11-2017/lev-gudkov-u-nyneshnego-obschestva-net-predstavleniya-o-buduschem> (дата обращения: 20.04.2020).

Ahmed S. *The Promise of Happiness*. Durham: Duke University Press, 2010. 315 p.

Barbalet J. 'Honey, I Shrunk the Emotions': Late Modernity and the End of Emotions. *Emotions and Society*. 2019. 1 (2). P. 133–146, DOI: 10.1332/263168919X15662881966944.

Bauman Z. *Postmodern Ethics*. Cambridge: Blackwell, 1993. 255 p.

Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity, 2017. 180 p.

Bauman Z., Donskis L. *Moral Blindness – The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2013. 218 p.

Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity. *British Journal of Sociology*. 2000. 51(1). P. 79–105.

Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2002. 221 p.

Bericat E. The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*. 2016. 64 (3). P. 491–513. DOI: 10.1177/0011392115588355.

Berns N. *Closure: The Rush to End Grief and What It Costs Us*. Philadelphia: Temple University Press, 2011. 213 p.

Boltanski L. *Distant Suffering, Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 246 p.

Brownlie J., Shaw F. Empathy Rituals: Small Conversations about Emotional Distress on Twitter. *Sociology*. 2019. 53 (1). P. 104–122. DOI: 10.1177/0038038518767075.

Clark C. *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*. Chicago: University of Chicago press, 1997. 316 p.

Compassion in Action: 15 Easy Ways to Spread Kindness by Sara Schairer, Founder and Executive Director of Compassion It [Электронный ресурс] // Chopra Center [веб-сайт]. URL: <https://chopra.com/articles/compassion-in-action-15-easy-ways-to-spread-kindness> [дата обращения: 20.04.20].

Davis M. H. *Empathy: A Social Psychological Approach*. Boulder: Westview, 1994. 272 p.

Eisenberg N., Miller P. Empathy, Sympathy, and Altruism: Empirical and Conceptual Links // Eisenberg J. Strayer N. (eds.) *Empathy and its Development*. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 292–311.

Emotional Well-Being and Coping During COVID-19 [Электронный ресурс] // Weill Institute for Neurosciences Department of Psychiatry [веб-сайт]. URL: <https://psychiatry.ucsf.edu/coronavirus/coping?fbclid=IwAR29EJPOUCP2hZAYQabqnudn>

JBVPyfbhwGqCnkyGyW_BFSuxMXRuOQe2woA#main-content [дата обращения: 20.04.20].

Figley Ch. (ed.) *Treating Compassion Fatigue*. New York: Routledge, 2002. 227 p.

Gonzalez A. M [2017]. In *Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn*. *Sociologia, Problemas e Práticas*. 85. P. 27–45. DOI: 10.7458/SPP2017857606.

Holmes M. *Researching Emotional Reflexivity*. *Emotion review*. 2015. 7(1). P. 61–66. DOI: 10.1177/1754073914544478.

Hookway N. *Emotions, Body and Self: Critiquing Moral Decline* *Sociology*. 2013. 47 (4). P. 841–857. DOI: 10.1177/0038038512453787.

Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. 134 p.

Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press, 2012. 293 p.

Jacobsen M. *Liquid-Modern Emotions: Exploring Zygmunt Bauman's Contribution to the Sociology of Emotions*. *Emotions and Society*. 2019. 1(1). P. 99–116. DOI: 10.1332/263168919X15580836411878.

Kleinman A., Kleinman J. *The Appeal of Experience; the Dismay of Images: Cultural Appropriations of Suffering in Our Times*. *Daedalus*. 1996. 125(1). P. 1–23.

Maffesoli M. *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage, 1996. 176 p.

McKenzie J. *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*. London: Routledge, 2016. 158 p.

Mestrovic S. G. *Post-emotional Society*. London: Sage, 1997. 170 p.

Neff K., Vonk R. *Self-Compassion Versus Global Self-Esteem: Two Different Ways of Relating to Oneself*. *Journal of Personality*. 2009. 77(1). P. 23–50. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2008.00537.x.

Patulny R., Bellocchi, A., Khorana S., Olso R., McKenzie, J., Peterie M. (eds.) *Emotions in Late Modernity*. London: Routledge, 2019. 341 p.

Pulcini E. *What Emotions Motivates Care?* *Emotion Review*. 2017. 9 (1). P. 64–71. DOI: 10.1177/1754073915615429.

Reckwitz A., Pakis V. A. *The Society of Singularities – On the Transformation of Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press, 2020. 400 p.

Schmitt Ch. S., Clark C. *Sympathy*. In J. H. Turner, J. E. Stets (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions*. N.Y.: Springer, 2007. P. 467–492.

Simonova O. *Emotional Culture as Sociological Concept: On Emotional turn in Understanding of Modern Society // Culture e Studi del Sociale*. 2019. 4(2). P. 147–160.

Turner J. H., Stets J. E. *Moral Emotions*. In Turner J. H., Stets J. E. (eds) *Handbook of the Sociology of Emotions*. N.Y.: Springer, 2007. P. 544–566.

Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity, 2016. 200 p.

Wilkinson I. *Compassion: Conflicted social feeling and the calling to care // Jacobsen M. H. (ed.) Emotions, Everyday Life and Sociology*. L.: Routledge, 2019. P. 72–87.

Wilkinson I. *Suffering. A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2005. 190 p.

Wilkinson I., Kleinman A. A. *Passion for Society: How We Think About Human Suffering*. Berkeley, CA: University of California Press, 2016. 304 p.

Williams Ch. *Compassion, Suffering and the Self: A Moral Psychology of Social Justice*. *Current Sociology*. 2008. 56(1). P. 5–24. DOI: 10.1177/0011392107084376.